

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АРГУМЕНТЫ В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ ЭТНОГЕНЕЗА СЛАВЯН (КОНЕЦ XX — НАЧАЛО XXI ВЕКА)

*Александр Литвинский
Барановичи, Беларусь*

В статье рассматривается возможность корректного использования лингвистических аргументов в процессе археологических исследований происхождения славян. Анализируются позиции крупнейших российских, украинских, белорусских археологов конца XX – начала XXI в. Характеризуются основные тенденции процесса исследования этногенеза славян в контексте междисциплинарного подхода.

Ключевые слова: *славяне, славистика, этногенез, происхождение, археологические исследования, лингвистические аргументы, междисциплинарный подход*

Как известно, научная проблема славянского этногенеза имеет междисциплинарный характер. Исследования историков, археологов, языковедов, этнологов, антропологов, генетиков дополняют в данном контексте друг друга и позволяют как можно более убедительно описать процесс происхождения славян. Существует вероятность того, что к решению этой проблемы подключатся и представители иных наук. Однако в рамках междисциплинарного подхода, кроме очевидных преимуществ, возникают и трудности научно-методологического свойства. Даже если предмет исследования один и тот же, отличающиеся ракурсы взгляда на него накладывают явственный, иногда неизгладимый отпечаток на систему доказательств и конечные выводы ученого.

В самом общем виде это выглядит (в контексте рассматриваемой проблемы) примерно так: лингвисты склоняются к сближению этногенеза и глоттогенеза; археологи зачастую (но, кстати, далеко не всегда) выводят этническую общность из ряда археологических (материальных в своей основе) культур, ретроспективно прослеживая их цепочку настолько это возможно; для антропологов и генетиков важнейшим фактором является биологическая преемственность тех или иных человеческих сообществ; историки, специализирующиеся на работе с письменными источниками, соответствующим образом анализируют прежде всего информацию данных источников, сопоставляя и сравнивая их, используя хорошо известные и приемлемые методы внешней и внутренней критики. Пожалуй, только этнологи изначально ориентированы на изучение всего комплекса данных, однако это во многом объясняется тем, что выделение собственно этнологических методов исследования истоков того или иного народа проблематично. К тому же у этнологов, как показывает научная практика, имеются свои предпочтения в выборе наиболее презентативной, на их взгляд, информации.

И всё же наступает тот момент, когда надо соотносить наработки различных наук, иначе повествование о происхождении этнической общности (в рассматриваемом случае – славянской) будет недостаточно убедительным. При этом возникает закономерный вопрос: какими аргументами, взятыми из багажа непрофильных для себя наук исследователь должен подкрепить собственную позицию? Ответ на этот вопрос сложен, поскольку слишком многие факторы влияют на позицию ученого. В контексте данной статьи наша задача скромнее – на основе анализа научных трудов археологов выявить наиболее заметные в этих трудах тенденции использования аргументов лингвистического происхождения в процессе исследования славянского этногенеза. Для анализа выбран период конца XX – начала XXI в. (с начала 80-х гг. предыдущего столетия фактически до наших дней), поскольку на протяжении рассматриваемого периода вышли в свет работы,

имеющие концептуальный характер, в которых, за редким исключением, прослеживается довольно четкая установка на междисциплинарность, пусть и не всегда развёрнуто и многословно выражаемая.

Как уже было указано в одной из наших статей, ученый, исследующий этногенетические процессы, не может быть полностью независимым от восприятия результатов исследований в рамках других научных дисциплин хотя бы по той причине, что, прежде чем самому приступить к научному поиску, он обязательно знакомится с достижениями предшественников, причем не только в своей области научного знания [1, с. 254]. Более того, в процессе подготовки собственных трудов он вынужден сопоставлять собственные взгляды с позициями ученых, представляющих науки, являющиеся в данном контексте смежными. Игнорирование их информации фактически ведёт к тому, что задача проанализировать этногенез станет невыполнимой.

Разумеется, компетентные и добросовестные в научном смысле этого слова археологи не пренебрегают возможностью подкрепить свои позиции доводами, почерпнутыми из недр языкознания, пусть даже и указывая при этом на обусловленную спецификой компаративистики ограниченность данных доводов (здесь имеется ввиду, прежде всего, известные трудности лингвистов с определением хронологии языковых явлений и процессов, а также, хотя и в меньшей степени, их затруднения ареального характера – в данных аспектах, как во временном, так и в пространственном, археология, конечно же, в гораздо большей степени конкретна) [2, с. 118–119, 3, с. 27, 4, с. 32–33]. В то же время сомнительными по степени научно-методологической убедительности нам кажутся призывы к своеобразному научному пуризму, иногда встречающиеся на страницах трудов археологов. Речь идёт о пожеланиях выстраивать научную концепцию исходя из наработок собственной науки и только в конечном итоге сопоставлять эти наработки с данными других наук [2, с. 118, 4, с. 36].

Вряд ли подобный пуризм возможен в реальности. Ведь определяя некую общность как праславянскую, археологи по умолчанию соглашаются с тем, что её представители разговаривали на праславянском языке (во всяком случае, предковом для славянских языков, как его ни называй). Можно, конечно, чисто теоретически предположить, что предки исторических славян на каком-то этапе поменяли язык на праславянский, а раньше они разговаривали на совершенно другом языке. Но, во-первых, это надо доказать, а с доказательствами дело обстоит плохо – их, удовлетворяющих строгим научным требованиям, по сути дела, нет. Во-вторых, при таком понимании этногенеза сам этот процесс мыслится настолько размытым в пространстве и во времени, фактически «безразмерным», что это приводит к потере предмета исследования.

Рассмотрим теперь наиболее характерные позиции по данному вопросу. При этом ограничимся анализом взглядов археологов Беларуси, России и Украины, поскольку их труды более доступны, по сравнению с иными, заинтересованным читателям с постсоветского пространства, а именно им адресована данная статья. Мы также считаем допустимым не уделять особого внимания лингвистическим частностям, а засвидетельствовать только те случаи обращения археологов к аргументации компаративистского происхождения, которые отражают их концептуальные позиции.

Начнём с анализа позиции патриарха советской исторической науки Б. А. Рыбакова. Академик, характеризуя потенциал лингвистики, который можно было бы использовать в процессе исследования славянского этногенеза, выделяет три аспекта: определение «места славян среди других языковых групп», роль топонимики, которая «позволяет устанавливать ареал славянства и определять языковую принадлежность соседей», «анализ эволюции социальной терминологии» (последнее относится больше к судьбам исторических славян) [5, с. 12]. Ученый постулирует хорошо известное утверждение о том, что славянская общность формировалась на территории лиственных лесов, рек с их поймами и болот, вдали от морей и гор, «внутри кольца, образуемого иллирийцами, кельтами, германцами, балтийцами, (прусы, латыши, литовцы), дако-фракийцами и иранцами» [5, с. 12–13].

Известно, что Б. А. Рыбаков являлся сторонником концепции «широкой» прародины славян, видя её в ареале Тшцинецко-комаровской археологической культуры бронзового века [5, с. 13]. Интересно, что эта культура примыкала к северным склонам Карпат, а это противоречило аргументу, согласно которому первые славяне не знали высоких по европейским меркам гор. Но, похоже, это академика не смущало. Продолжение вышеназванной культуры в восточной части её ареала он видел в Чернолесской культуре. Отстаивая славянскую принадлежность Чернолесской культуры, ссылаясь при этом на мнение известного языковеда-слависта О. Н. Трубачёва и обращая внимание на совпадение территории этой культуры «с ареалом архаичных славянских гидронимов», Б. А. Рыбаков утверждал: «Поскольку ни один из совпадающих ареалов никогда в другое время не повторялся, следует считать доказанным безусловное славянство носителей Чернолесской культуры» [5, с. 16]. Не чуждо было академику и стремление самому проводить этимологические изыскания. К примеру, он предложил объяснение этнонима «славяне» как «послы» (выходцы) из земли венедов («слы-вене» как «представители венедов») [5, с. 49]. То, что подобные изыскания не выдерживают проверки методами лингвистики, его опять же не смущало.

Другой крупнейший историк-славист и археолог В. В. Седов в своём фундаментальном труде [4] сделал обзор основных позиций языковедов по проблеме происхождения славян [4, с. 14–33]. При всей обстоятельности данного обзора заметно стремление автора отдавать предпочтение тем взглядам лингвистов, которые, как это выясняется по мере внимательного прочтения труда, коррелируют со взглядами самого В. В. Седова, высказанными «с археологической колокольни» (известно, что выдающийся историк и археолог довольно последовательно придерживался Висло-Одерской концепции прародины славян). Особый упор автор делает на то, что предки славян принадлежали к «древнеевропейскому» сообществу. Отсюда несколько скептическое отношение к постулированию, например, праславянско-иранских языковых связей, поскольку последние могли бы косвенно свидетельствовать не в пользу Висло-Одерской концепции.

Обращает на себя внимание выбор авторитетов среди славистов-компаративистов, сделанный В. В. Седовым. По нашим наблюдениям, особым почетом у археолога пользовались Ф. П. Филин и О. Н. Трубачёв, которые, кстати, занимали весьма различные позиции по проблеме определения славянской прародины. К примеру, В. В. Седов соотносил культуру подклёшевых погребений, из которой он, собственно говоря, и выводил ранних славян, с «первым этапом эволюции праславянского языка», то ли подкрепляя археологическими аргументами позицию Ф. П. Филина по данному вопросу, то ли, напротив, находя в этой позиции подтверждение правильности своих выводов по рассматриваемой проблеме [4, с. 76, 6, с. 162]. Подобную синхронизацию В. В. Седов проводил и ниже на страницах своего труда [4, с. 124–125]. Вообще говоря, в данном исследовании довольно отчетливо выражена тенденция коррелировать авторские умозаключения с позицией известных представителей сравнительно-исторического языкознания.

Интересно отметить, что В. В. Седов, пусть и в текстовой форме подстрочного примечания, однако ссылается на авторитет О. Н. Трубачева в археологическом споре с известным польским исследователем К. Годловским по поводу этнической атрибуции Пшеворской и Зарубинецкой культур и их роли в этногенезе славян вообще и поляков в частности [4, с. 310, примечание 215].

Поскольку В. В. Седов довольно сдержанно относился к идее некогда существовавшего балто-славянского единства, делая акцент на ареальной, а не на генетической связи между балтами и славянами, он достаточно последовательно отрицал славянскую принадлежность Киевской археологической культуры [4, с. 140–141]. Здесь сказалось убеждение исследователя в том, что славянский язык в общем и целом сформировался раньше периода существования Киевской археологической культуры, а значит, доминирующая в регионе её распространения топонимика балтского происхождения – это аргумент против признания славянской принадлежности носителей

данной культуры. О возможности иной интерпретации топонимической информации будет сказано ниже.

Известный российский археолог М. Б. Щукин в концептуальной статье «Рождение славян. Из истории вопроса. Два пути ретроспективного поиска» предложил научному сообществу свой вариант решения проблемы происхождения славян [2]. Вполне значимое место отведено в ней доводам лингвистического характера. Тезисы ученого в этом отношении таковы:

1) «в общеславянском языке, если таковой действительно существовал, есть заимствования из языков балтских, иранских, угро-финских, германских, фракийских и кельто-иллирийских», но из этого напрямую не следует факт проживания славян между этими народами, поскольку невозможно средствами лингвистики «установить, когда на протяжении тысячелетий все упомянутые контакты осуществлялись и были ли они одновременны и одноразовы», а ведь границы языковых ареалов со временем «могли существенно меняться», и это надо учитывать, не опираясь на сведения о современных ареалах [2, с. 118–119];

2) лингвистическая география помогает определиться с природной зоной, которая включала в себя территорию славянской прародины (со ссылкой опять же на Ф. П. Филина декларируется её лесной, речной и болотистый характер и отдалённость от морей, гор и степей), однако такая пространственная привязка даётся ей в самой общей форме; [2, с. 119];

3) в рассматриваемом контексте нельзя с полной уверенностью назвать надёжными данные топонимики, во-первых, потому что славянские названия географических объектов распространены в Центральной и Восточной Европе широко, но там «нет области, где была бы представлена исключительно славянская топонимика, всегда есть та или иная примесь», во-вторых, она может быть позднего происхождения [2, с. 119];

4) общеславянский язык мог существовать там, где не произрастали бук, пихта и лиственница, поскольку названия этих деревьев в исторических славянских языках (как, кстати, и в балтских) являются не аутентичными, а заимствованными, а значит, эти названия отсутствовали в общеславянском (таким образом, декларируется известный всем серьёзным специалистам «буковый аргумент», против которого, по мнению автора, существенных возражений противниками данного аргумента не приводится) [2, с. 120];

5) да, в Верхнем и Среднем Поднепровье преобладают балтские топонимы, однако, вопреки позиции археологов И. П. Русановой и В. В. Седова, исключать данный регион из зоны славянской прародины не следует, поскольку это противоречие решается допущением факта существования в древности некоей балто-славянской языковой общности и относительно поздним выделением из неё собственно славянского языка [2, с. 120] (заметим, что в данном случае М. Б. Щукин склонен ссылаться на авторитет знаменитых лингвистов, соавторов многих работ Вяч. Вс. Иванова и В. Н. Топорова [7]);

6) языковые процессы в балто-славянской области были сложными, приводили к «перераспределению изоглосных областей» (здесь автором приводится ссылка на работу лингвиста В. К. Журавлёва), и одно из таких перераспределений в данной области произошло под влиянием бастарнов, носителей неведомого, но, скорее всего, кентумного языка, «сходного, быть может, в равной степени и с кельтскими, и с германскими», а это, в свою очередь, привело к выделению славянских диалектов [2, с. 120–121, 142–143].

По мнению Д. А. Мачинского, вполне согласного с «буковым аргументом», славянская языковая стихия укоренена в балтскую, а обособление славянского языка и его выделение из «прабалтийского континуума» началось во второй половине I тыс. до н. э. [8, с. 468–469, 472]. Проанализировав эволюцию этнонима «славяне», он пришел к выводу, что данный этноним возник в районе взаимодействия Культуры поздней штрихованной керамики с Зарубинецкой культурой Полесья и был склонен видеть связь данного наименования народа с этнонимом «ставане», упоминаемом александрийским ученым Клавдием Птолемеем [8, с. 472–475]. Сам же этноним «славяне» автор трактует довольно-таки традиционно – как производный от корня, который дал начало лексемам со

значением «слово», «слыть», «слава», обращая внимание на очевидные этимологические и смысловые балтские параллели [8, с. 475].

Известный украинский исследователь В. Д. Баран отмечает, что «насыщенность славянских гидронимов в регионе между Верхним и Средним Днестром, верховьями Вислы, верхним Днестром и Прутом, наличие балто-славянских, ирано-славянских и германо-славянских языковых связей коррелируется с данными археологии» [3, с. 126] (*здесь и ниже по тексту наш перевод с украинского языка на русский – А. Л.*).

Заслуживающим внимания представляется замечание В. Д. Барана об этнической атрибуции Киевской археологической культуры. Упомянув об известной позиции И. П. Русановой и В. В. Седова, отрицавшими славянскую принадлежность данной культуры на том основании, что гидронимия Верхнего Поднепровья оставлена балтоязычным населением, украинский исследователь приводит следующий контраргумент: «Однако неизвестно, к какому времени относятся эти гидронимы. Некоторые языковеды считают, что они относятся к периоду балто-славянской языковой общности, то есть к эпохе раннего железа или бронзы» [3, с. 186].

Белорусский археолог Э. М. Загоруйский оспаривает тезис, согласно которому прародину славян надо искать на территории, где зафиксировано скопление архаичных славянских гидронимов (обычно в качестве таковой признают регион Правобережной Украины). Наоборот, он считает, что подобное скопление характерно для тех земель, которые были заселены уже сформировавшимся народом со своим языком [9].

Автор труда «Первые славяне. Славяногенез» белорусский исследователь С. Е. Рассадин [10] немало внимания уделил в нём лингвистическим аспектам проблемы происхождения славян. Представляет интерес сделанный им анализ имён только что вышедших на арену истории склавинов и антов [10, с. 29–63]. Опираясь на мнение лингвистов, С. Е. Рассадин установил, что фактически невозможно с уверенностью этимологизировать данные имена, если признавать их славяноязычное происхождение, а вот из других языков, прежде всего, из германских, они выводятся со значительно большей уверенностью. Это, полагает исследователь, может свидетельствовать о том, что восточные германцы поучаствовали в славянском этногенезе [10, с. 49].

Ученый аргументированно отклоняет возможность признания прикарпатской этнической общности костобоков в качестве славянской, показывая некоторую наивность попыток такого признания якобы на основании славянского характера самого этнонима и нескольких антропонимов и указывая на, скорее всего, фракийское происхождение костобоков [10, с. 108–123]. Отрицая праславянский этнический характер лужицкой археологической культуры, С. Е. Рассадин замечает, ссылаясь на мнение известного немецкого лингвиста Х. Краэ, специалиста по древнеевропейской гидронимии, что названия Вислы, Одера, Эльбы следует этимологизировать из венетского языка, причем этот венетский вовсе не был славянским [10, с. 143–144].

Исследователь подвергает сомнению как «буковый», так и «рыбный» аргумент, зачастую используемые в ходе локализации славянской прародины. Первый – потому что территория, на которой произрастает бук, в древности могла быть иной, занимать простор не восточнее Эльбы (и здесь он, пожалуй, солидаризируется с В. В. Седовым, на которого ссылается). Второй – потому что территорию расселения ранних славян нельзя соотносить с ареалом обитания лосося и угря, а этот ареал ныне охватывает бассейны рек, впадающих с юга в Балтийское море (здесь он, наоборот, не соглашается с В. В. Седовым, указывая на то, что лосось «некогда в изобилии водился не только в балтийском, но и в черноморском бассейне», как, впрочем, и угорь) [10, с. 213–214].

С. Е. Рассадин проявляет себя как достаточно последовательный сторонник существования в древности балто-славянской языковой общности, последний этап которого совпал с периодом функционирования Киевской археологической культуры [10, с. 232, 271–272]. В этом отношении его доводы принципиально не отличаются от вышеизложенных концептуальных положений М. Б. Щукина. Так же, как и М. Б. Щукин, белорусский исследователь признаёт роль в славянском этногенезе выходцев с территории

позднезарубинецкого ареала, правда, в отличие от российского археолога, сомневавшегося в этнической принадлежности бастарнов, он довольно-таки уверенно определяет в качестве германской языковую принадлежность этих выходцев, сначала называвшихся бастарнами, а затем – венедами [10, с. 232–248].

Подводя итоги нашего исследования, необходимо отметить, что практически все крупные археологи признают значимость лингвистической аргументации в процессе установления путей и движущих сил славянского этногенеза. Правда, используют они эти аргументы по-разному. Если, к примеру, Б. А. Рыбаков и, отчасти, Д. А. Мачинский допускают некоторые вольности в обращении с лингвистическими источниками (вспомним их интерпретацию этнонима «славяне»), то В. В. Седов, М. Б. Щукин и С. Е. Рассадин в своих научных построениях стараются не допускать сомнительной этимологизации, доверяя квалифицированному мнению лингвистов. А вот В. Д. Баран, по нашим наблюдениям, довольно-таки сдержанно относится к подобным доводам, приводя их в самом общем виде.

Заметна тенденция опираться на те авторитеты в области сравнительно-исторического языкознания, чьи идеи относительно происхождения славян созвучны идеям того или иного археолога. В этой связи своеобразным индикатором научных воззрений представителей археологической науки является их отношение к концептуальным работам О. Н. Трубачёва. Если археолог придерживается взгляда, согласно которому ранние славяне расселились на широких просторах между Днестром и Одером (Б. А. Рыбаков, В. Д. Баран), либо он тяготеет к признанию в качестве прародины территории современной Польши (В. В. Седов, Э. М. Загорульский), то отношение к концепции О. Н. Трубачёва в целом положительное, иногда, правда, с некоторыми оговорками, и это несмотря на то, что сам выдающийся советский и российский лингвист видел прародину славян на берегах Дуная [11,12].

Если же археолог склонен искать прародину на территории Полесья и/или Поднепровья (М. Б. Щукин, С. Е. Рассадин), то позиция О. Н. Трубачёва подвергается пусть и корректной, но критике [2, с. 121, 10, с. 225–228], а предпочтение отдаётся взглядам других выдающихся компаративистов: Вяч. Вс. Иванова и В. Н. Топорова [7], ибо они, в отличие от О. Н. Трубачёва, признают наличие в древности единства языковых предков балтов и славян, что позволяет предполагать выделение славян из балтской общности.

При этом надо учесть, что археологи не в состоянии постичь внутреннюю логику лингвистических построений по той простой причине, что у них не хватает для этого специальных знаний (как, впрочем, и наоборот – соответственно, лингвисты не обладают знаниями, чтобы корректно оценить ту или иную археологическую концепцию). А ведь междисциплинарный подход всегда предполагает успешное разрешение подобных ситуаций.

На наш субъективный взгляд, выход здесь можно найти на пути междисциплинарных консультаций, в данном случае, между археологами и лингвистами и, как ни банально это прозвучит, посредством усиления взаимного интереса к работам коллег из иных областей социально-гуманитарного знания, а также посредством повышения научного качества, логичности и, в конечном итоге, убедительности аргументации.

1. Литвинский, А. В. Этногенез славян: проблема соотношения источников различных видов / Смена парадигм в историографии XIX — начала XXI вв.: сб. науч. ст. (к 60-лет. проф. А. Н. Нечухрина) / ГрГУ им. Я. Купалы ; редкол.: Э. С. Ярмусик, Н. В. Козловская, Е. И. Мелешко. — Гродно : ГрГУ, 2012. — с. 250—260.
2. Щукин, М. Рождение славян. Из истории вопроса. Два пути ретроспективного поиска. / М. Щукин // Стратум. Структуры и катастрофы. — 1997. — С. 110—147.
3. Баран, В. Д. Давні слов'яни / В. Д. Баран. — К : Альтернативи, 1998. — 336 с.
4. Седов, В. В. Славяне: историко-археологическое исследование / В. В. Седов. — М. : Языки славянской культуры, 2002. — 624 с.: ил.

5. Рыбаков, Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. / Б. А. Рыбаков — Москва : Издательство «Наука», 1982. — 591 с.
6. Литвинский, А. В. Хронология славянского этногенеза: основные концептуальные подходы в историографии конца XX — начала XXI в. / Менталитет славян и интеграционные процессы: история, современность, перспективы : материалы X междунар. науч. конф., Гомель, 25—26 мая 2017 г. / М-во образования Респ. Беларусь [и др.] ; под общей ред. В. В. Кириенко. — Гомель : ГГТУ им. П. О. Сухого, 2017. — 307 с. — С. 161—164.
7. Иванов, В. В., Топоров, В. Н. К постановке вопроса о древнейших отношениях балтийских и славянских языков / В. В. Иванов, В. Н. Топоров. — М. : Издательство АН СССР, 1958. — 41 с.
8. Мачинский, Д. А. Некоторые предпосылки, движущие силы и исторический контекст сложения Русского государства в середине VIII — середине XI в. / Д. А. Мачинский // Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света. Труды ГЭ. — Вып. XLIX. — СПб. — 2009. — С. 460—538.
9. Загоруйский, Э. М. Проблема датирования начала славянского этногенеза / Э. М. Загоруйский // Працы гістарычнага факультэта : навук. зб. Вып.1 / рэдкал. : У. К. Коршук (адк. рэд.) [і інш.]. — Мінск : БДУ, 2006. — С. 153—158. [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://historicaldis.ru/blog/43085551324/Problema-datirovaniya-nachala-slavyanskogo-etnogenyzoa> . — Дата доступа : 28.08.2018.
10. Рассадин, С. Е. Первые славяне. Славяногенез / С.Е. Рассадин. — Минск : Белорусский экзархат, 2008. — 288 с.
11. Трубочёв, О. Н., Этногенез и культура древнейших славян: Лингвистические исследования / О. Н. Трубочёв. — М. Наука, 2003. — 489 с.
12. Литвинский, А. В. Хронология славянского этногенеза: основные концептуальные подходы в историографии конца XX — начала XXI в. / Менталитет славян и интеграционные процессы: история, современность, перспективы : материалы X междунар. науч. конф., Гомель, 25—26 мая 2017 г. / М-во образования Респ. Беларусь [и др.] ; под общей ред. В. В. Кириенко. — Гомель : ГГТУ им. П. О. Сухого, 2017. — 307 с. — С. 161—164.